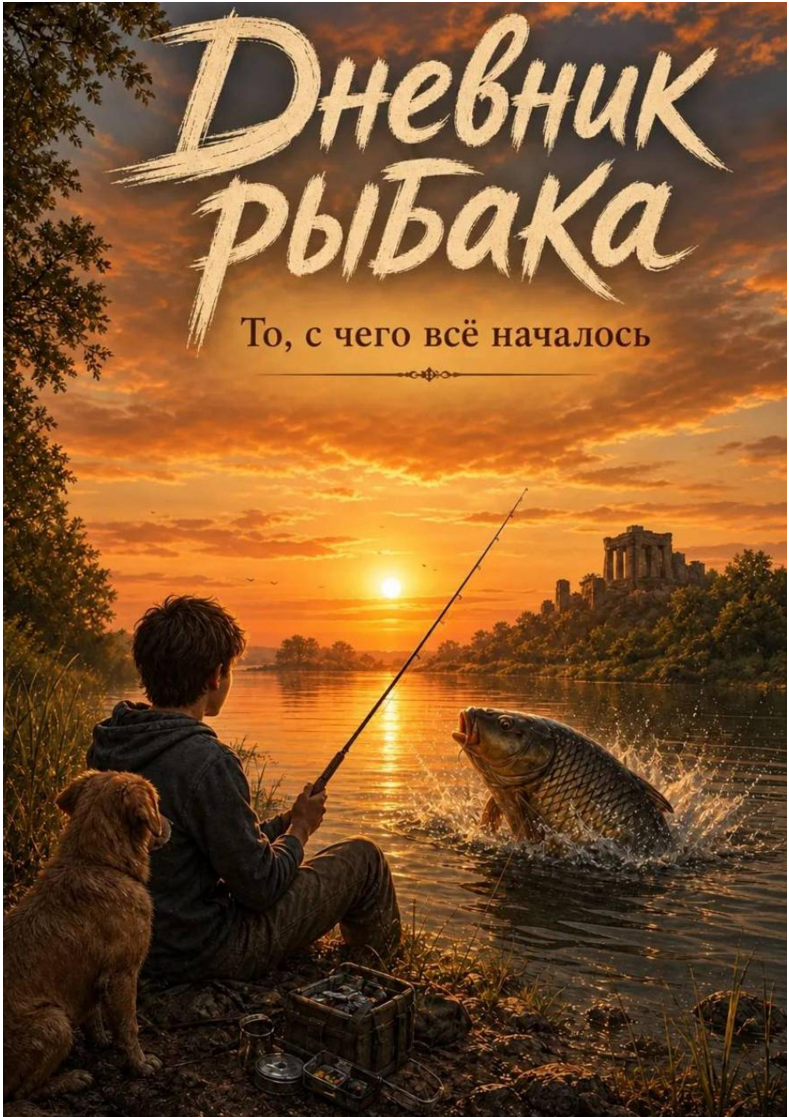
Дневник рыбака
То, с чего всё началось

Тимур Цвигун

Дневник рыбака

https://litres.ru/75009579
SelfPub; 2026

Аннотация

Дневник пятнадцатилетнего Коли из посёлка Кривые Кочки — это не просто записки о рыбалке, а коллекция удивительных, смешных и мистических историй, где реальность граничит с вымыслом. Щука, клюющая на пельмени, говорящий профессор-философ, ловящий карпа на идеи Канта, караси-диверсанты и старый сом, хранящий тайны затонувшей баржи — каждый выход на реку превращается в приключение.

Но за абсурдом и юмором скрывается нечто большее. Коля встречает призрака утонувшей девочки, находит в рыбе послание из прошлого, прощается со слепым стариком, ловящим последнего леща, и сталкивается с трагедией учителя, готового на всё ради спасения жены. Река становится для него учителем, другом и зеркалом, в котором отражаются человеческие судьбы.

Этот дневник — о взрослении, о потерях и обретениях, о том, что рыбалка — не про улов, а про умение слушать, любить и оставаться человеком. Для тех, кто верит, что в тине и корягах порой прячется больше смысла, чем в учебниках.

Тимур Цвигун
Дневник рыбака

дневник рыбака

Глава 1. Щука на пельмени

5 мая. Пасмурно, +12. Ветер юго-западный, клёв обещает быть средним.

Я пишу это в старом блокноте, который вчера вытащил из кучи мусора на берегу.

Обложка — кожзам, похожа на леща. Внутри уже были чьи-то записи про «жабу, сожравшую всю мотылу», но я их вырвал. Теперь это моё.

Меня зовут Коля. Мне пятнадцать. Папа на вахте в Сургуте, мама в областной

больнице (ничего страшного, просто анализы). Поэтому за последнюю неделю я

сбежал с шести уроков, четыре раза забыл поесть и один раз случайно постирал

вместе с валенками свой рюкзак. Но главное — я рыбачу. Всегда и везде. Если бы

можно было ставить оценки за рыбалку, я бы был круглым отличником, даже без

пятёрок — сразу с похвальным листом.

Сегодня случилось нечто, что заставит мою школьную репутацию рухнуть в бездну. Но

обо всём по порядку.

Я проснулся в шесть утра. Бублик — мой старый, вечно облезлый пёс породы

«двортерьер» — уже сидел у двери и смотрел на меня взглядом, который означал:

«Если ты сейчас не возьмёшь удочки, я нагажу тебе в тапки». Бублику одиннадцать

лет, он глух на левое ухо, хромает на правую заднюю лапу, но первым чует поклёвку за

полкилометра. Честно, я не знаю, кто из нас рыбачит, а кто просто создаёт шум.

Я наскоро наковырял червей в огороде (перекопал половину маминых георгинов, но

она всё равно не скоро вернётся), запихнул в рюкзак три бутерброда с колбасой (один

съел Бублик), две удочки, коробку с крючками и банку с опарышем. Опарыш вонял так, словно кто-то умер и решил не сообщать об этом окружающим. Но для рыбы это духи

«Шанель №5».

Тропинка к затону занимает минут двадцать. Надо пройти мимо бывшего Дома

культуры (там теперь склад гробов), свернуть у ржавых качелей, перелезть через

забор колхозной фермы и выйти к старым мосткам. Мостки держатся на честном слове

и двух гнилых брёвнах, но мы с Бубликом знаем, где

наступать, чтобы не провалиться.

Я забросил первую удочку — на червя. Вторую — на опарыша. Присел на ведро, достал бутерброд. Бублик улёгся у ног и зевнул так громко, что утки на

противоположном берегу встревоженно закрякали.

Первые полчаса ничего не происходило. Поплавки стояли, будто приклеенные. Я

начал клевать носом (в прямом смысле: пытался клюнуть бутерброд, но промахнулся

и уткнулся в горчицу). Потом клюнуло. Да не так, чтобы вежливо — «буль-буль». А с

размаху, с уходом в глубину, с изгибом удилища, от которого у меня чуть не вырвало

удочку из рук.

— Ого! — сказал я. — Бублик, это щука.

Бублик гавкнул, соскочил и плюхнулся животом в

воду, как кусок мокрого ковра. Щуки

он боится до усрачки, но бросается на помощь каждый раз. Пёс у меня герой, хоть и

трус.

Я начал вываживать. Тяжесть была бешеной. Леска звенела, удилище сложилось в

подкову. Я даже вспотел. Руки дрожали. Под водой мелькнуло что-то длинное, зелёное

и явно хищное. Я подтянул ближе — и тут удочка резко пошла наверх. Сопротивление

пропало.

— Ушла, — прошептал я.

Но нет. На крючке болталось нечто. Я вытащил это на мостки и охренел.

Это был носок. Мужской, трикотажный, серый, с дыркой на пятке. Но не просто носок

— мокрый, вонючий, с прилипшими ракушками. Щука, видимо, схватила его за резинку, приняв за червяка, и умотала, оставив мне этот трофей.

— Ну, спасибо, — сказал я пустой воде. — Хотя бы носки теперь менять не надо.

Бублик обнюхал носок, чихнул и отошёл.

Я перезабросил. Через десять минут — снова поклёвка. На этот раз осторожная, как у

плотвы. Я подсекаю, чувствую приятную тяжесть, вывожу… и на крючке болтается

рваный валенок. Левая половина. Внутри — тина и маленький рак, который сердито

щипает воздух.

— Ты издеваешься? — спросил я реку.

Река молчала. Рак попытался убежать, но Бублик наступил на него лапой. Рака мы

потом отпустили. Он заслужил.

Третья поклёвка была уже совсем странной. Поплавок не утонул, а лёг на бок и

поплыл по кругу, словно пьяный капитан. Я подсек — и поволок что-то тяжёлое, пластиковое, шуршащее. Вытащил. И обомлел.

Пакет. Прозрачный, плотный, завязанный узлом. Внутри — пельмени. Домашние, лепленные крупно, замороженные. И они были… холодными! То есть кто-то совсем

недавно утопил их на мелководье, чтобы сохранить.

— Ни хрена себе, — сказал я. — Рыбалка мечты.

Я развязал пакет, понюхал. Пахло мясом, луком и чуть-чуть рекой. В принципе, можно

есть после варки. Я сунул пакет в рюкзак, решив, что это подарок судьбы за все мои

злоключения.

Но судьба, как известно, любит смеяться послед-

ней.

Ещё через полчаса, когда я безуспешно пытался поймать хоть какую-то рыбу, а не

предметы гардероба, на берегу появился он. Дядя Витя. Местная легенда. Алкаш со

стажем, бывший тракторист, бывший муж, бывший человек с тремя постоянными

местами обитания: лавка у магазина «Продукты», канава за гаражом и, как

выяснилось, мои мостки.

— ЗдорОво, паря, — сказал он голосом, похожим на скрип несмазанной телеги. — Как

клёв?

— Здравствуйте, дядя Витя. Никак. Носки ловятся, валенки...

— А пельмени не ловились? — спросил он, и глаза его, мутные, но вдруг странно

цепкие, уставились на мой рюкзак.

У меня ёкнуло,

– да нет, а что? – поинтересовался я, подозревая, что это его пельмени.

– ну просто я поставил на том берегу пельмени, хотел щуку поймать, прихожу, а нету –

сказал дядя Витя

– да ну, что вы такое говорите? Щука на пельмени? –усмехнулся я

–а ты не веришь мне что ли? Ну ладно, я видел как ты вытащил мои пельмени, давай

поспорим, если щука клюнет на них, отдашь их мне, если нет, то забирай себе

Я удивился, и обругал себя мысленно, что так долго вертел пельмени, но решительно

сказал дядьке

– а давайте, коль не шутите, только не верю я вам.

А давай, доставай , и одевай прямо на блесну! –сказал он уверенно

А я же, достал пакет этими пельменями

И надел все три на блесну, и сделал закид

– вот щас увидишь, что не вру я! — сказал дядя Витя

Ну а я представлял, как буду варить пельмени.

И тут! Мощная поклёвка!

– ооо!! — выкрикнул он

А я в спешке тянул эту странную любительницу пельменей-щуку

Продолжалось это всё часа два, и когда я её вытащил и закричал, обомлел...

–обалдеть! 25 кг!! — сказал я

– ну вот, а я о чём говорил? — сказал самодовольно и гордо дядя Витя

–ну да... Не врали, ладно, забирайте — сказал я, протянув пачку пельменей местной

легенде.

– ну ладно, не расстраивайся, давай поделюсь рецептом, — сказал мне дядька

–ну давайте, сказал я

–и так, записывай, варш окуня, тесто недрожевое, и, побольше чеснока в фарш, и

ароматизатор при замешивании теста, ладно, пойду я, ловить сома на зеленые носки

— сказал местный алкаш

я хотел переспросить, но он уже ушёл.

Так я и сижу сейчас, чищу щуку, и думаю, шутил ли он? Или купить зеленые носки, или, чёрные валенки

Глава 2. Голос из омута

12 мая. Сумерки. Вода чёрная, как деготь. Ветра нет. Тихо. Слишком тихо.

Сегодня я едва не умер. Или не едва — я до сих пор не понял. Может, умер и пишу это

уже с того берега? Но ручка пишет, значит, пока живой.

Всё началось с того, что дядя Витя сдержал слово.

После истории с пельменями он нашёл меня на следующий же день, ткнул жилистым

пальцем в грудь и сказал:

— Сегодня в семь вечера. Старый мельничный омут. Не опаздывай. И червей возьми

побольше, не мотыля, а именно червей — красных, жирных, чтоб шевелились. Там

рыба капризная, но если клюнет — не обрадуешься.

— Почему не обрадуюсь? — спросил я глупо.

— Потому что, — дядя Витя загадочно посмотрел куда-то в сторону леса, — там не

только рыба живёт.

Он ушёл, оставив меня с ощущением, что меня только что записали в секту, но забыли

выдать мантию.

Старый мельничный омут — это место, куда даже местные бабки не ходят за водой.

Он находится в километре ниже по течению от наших мостков, там, где река делает

резкий изгиб и упирается в стену из серого сланца. Вода там всегда тёмная, даже в

солнечный день. Глубина, говорят, больше десяти метров, а на дне — коряги, старые

жернова от мельницы, которую сожгли ещё при

немцах, и ещё кое-что, о чём взрослые

говорят шёпотом, а потом пьют и не договаривают.

Я там был всего один раз, года три назад, с папой. Папа тогда поймал огромного окуня, но сразу его отпустил. Я спросил почему. Он ответил: «Рыба в этом месте не наша. Мы

тут гости, причём незваные». Тогда я не понял. Теперь начинаю понимать.

Собрался я основательно. Взял два спиннинга (один запасной), три поводка, фонарик

(новый, светодиодный, купленный на сэкономленные завтраки), термос с чаем, тёплую

кофту, шапку-ушанку (май на дворе, но у реки своя погода) и, конечно, червей. Бублик

увязался сам. Я пытался его отправить обратно — чуяло моё сердце, что псу там

делать нечего, — но он лёг на пороге и сделал вид, что умер. Пришлось брать.

До омута шли молча. Тропинка петляла между берёзами, потом ныряла в ольшаник, потом выходила на глинистый обрыв. Солнце уже садилось, и тени деревьев

становились длинными, как пальцы мертвецов. Бублик шёл сзади и иногда поскуливал.

Это было на него не похоже. Обычно он бежал вперёд, обнюхивал каждый куст и гонял

лягушек. А тут — жался к ногам, поджимал хвост и оглядывался.

— Ты чего, старый? — спросил я. — Мышей испугался?

Бублик в ответ только фыркнул и ткнулся носом мне в ладонь. Ладонь была холодной.

Я подумал — от ветра. Но ветра не было.

Дядя Витя уже сидел на берегу. Не на мостках — мостков там никогда не было, только

несколько свай, торчащих из воды, как рёбра гигантского скелета. Он сидел прямо на

коряге, курил «Приму» и смотрел на воду. Рядом стояло его ведро с червями, бутылка

(разумеется) и какая-то странная удочка — самодельная, из орешника, с леской такой

толстой, что на ней можно было бы кабана вытаскивать.

— Пришёл, — сказал он, не оборачиваясь. — Молодец. Садись слева от меня. И не

шуми.

Я сел. Бублик устроился между нами и положил голову на мои колени. Его трясло. Я

накрыл его своей курткой.

— Дядя Витя, — спросил я шёпотом, — а почему именно сегодня? И почему в

сумерках?

— Потому что, — он глубоко затянулся, выпустил дым в сторону воды, и дым не

развеялся, а повис серой пеленой, — в полнолуние омут открывается. Не глазами, а —

нутром. Рыба идёт на нерест. Не на песок, как нормальная, а в глубину. Туда, где холод

и темнота. И там, паря, такое водится, что днём не вылезает.

Он замолчал. Я хотел спросить, что именно там водится, но в этот момент моя удочка

— та, что на червя, — резко дёрнулась. Не клюнула, а именно дёрнулась, будто кто-то

с силой потянул за леску под водой.

Я машинально подсек. И тут же пожалел.

Удочка выгнулась дугой, леска зазвенела, как струна. Но не было обычного рывка —

ни щучьего, ни сомовьего. Тянуло ровно, сильно, без остановки. Словно там, в

глубине, кто-то взял крючок и медленно, методично пошёл вперёд, не замечая

сопротивления.

— Тяни, — прошептал дядя Витя. — Только не дёргай. Пусть идёт.

Я ослабил фрикцион. Леска поползла в воду. Потом я начал подматывать, шаг за

шагом, сантиметр за сантиметром. Руки болели. Пот заливал глаза. Бублик скулил всё

громче.

Через пять минут — показалось, что прошла вечность — у поверхности мелькнуло

что-то тёмное. Я подтянул ближе, и в свете заходящего солнца увидел…

Это был крест. Старый, почерневший, серебряный

— или просто почерневший от

времени — на толстой цепочке. Нательный крест. И он был намотан на крючок так, словно его специально зацепили. Рыбы не было. Никакой.

Я вытащил крест на берег. Цепочка оборвана — видно, с силой рванули. Крест был без

распятия, просто четырехконечный, с круглыми концами, как у староверов.

— Дядя Витя… — начал я.

Он поднял руку, приказывая молчать. Посмотрел на крест, потом на воду. Лицо его

было бледным, даже синим в сумерках. Он перекрестился. Небрежно, по-мужски, без

замаха, но перекрестился.

— Положи на камень, — сказал он тихо. — И не бери в руки больше. Это не тебе.

Я положил крест на плоский валун у самой воды. И

тут случилось то, что я не забуду, даже если доживу до ста лет.

Вода в омуте зашевелилась. Не волнами — именно зашевелилась, как живая кожа.

Посредине образовалась воронка, маленькая, не больше тарелки, и из неё потянуло

запахом — не тиной, не рыбой, а чем-то сладким, приторным, как гнилые лилии. И

одновременно холодным, как из открытого склепа.

Бублик вскочил, зашёлся диким лаем, но не бросился в воду, а попятился назад, поджав хвост, и спрятался за моей спиной.

— Сиди, — прохрипел дядя Витя, хватая меня за плечо. — Сиди и не двигайся. Глаза

не отводи от воды, но не смотри прямо. Боковым зрением. Понял?

Я кивнул. Горло пересохло, язык прилип к нёбу.

Воронка расширилась. И тогда я увидел.

На поверхности показалась рука. Детская. Тонкая, белая, почти светящаяся в

сумерках. Пальцы были растопырены, как у утопающего, который хватается за воздух.

Но самое страшное — рука была не мёртвой. Она шевелилась. Пальцы сжимались и

разжимались, словно искали опору.

Рука поднялась выше, и я понял, что за ней показывается плечо, потом часть головы

— волосы длинные, мокрые, тёмные. Лица я не разглядел, потому что оно было

повёрнуто в другую сторону. Но я видел плечо и худую шею.

Это была девочка. Лет десяти, не больше.

Она вынырнула по грудь, замерла на мгновение, а потом медленно повернула голову.

И посмотрела на меня.

У неё не было глаз. Вообще. Там, где должны быть глаза, — чёрные ямы, глубокие, бездонные, и из них текла вода. Нет, не вода — слёзы. Чёрные слёзы, которые падали

на воду и исчезали, не оставляя кругов.

Она улыбнулась. Улыбка была страшной — не потому, что оскаленная, а потому что

взрослой. Понимающей. И в этой улыбке было всё: и боль, и злость, и отчаяние, и

что-то ещё, на что у меня нет названия.

А потом она подняла руку и поманила меня. Пальцем. Указательным. Вот так, как

мамы манят детей из песочницы — иди сюда, не бойся, я же тебя не обижу.

И я, мать вашу, сделал шаг.

Один шаг. К воде.

— Стоять! — заорал дядя Витя, но его голос донёсся до меня будто через вату. —

Коля, стоять, я сказал!

Он схватил меня за пояс, дёрнул назад. Я упал на спину, ударился затылком о корягу, из глаз посыпались искры. Когда я открыл их снова — девочки не было. Вода была

гладкой, чёрной, как зеркало. Воронка исчезла. Запах гнилых лилий тоже.

Только крест на камне лежал уже не так, как я его положил. Он был повёрнут. Остриём

вниз. В воду.

— Ты что творишь, дурень? — дядя Витя тряс меня за плечи, и в его глазах — впервые

за всё время, что я его знал — был настоящий, неподдельный ужас. — Она тебя

звала! Ты понял? Она тебя звала! Ещё один шаг — и ты бы, всё, с концами.

— Кто она? — выдохнул я. Губы не слушались, язык был ватным.

Дядя Витя отпустил меня, сел на корягу, дрожащими руками достал новую сигарету, прикурил с третьей попытки.

— Девочка, — сказал он после долгого молчания. — Девочка Настя. Десять лет назад, в августе, купалась здесь с подружками. Они кричали ей — не лезь, там омут. А она не

послушалась. Нырнула. И не вынырнула. Водолазы искали три дня. Тело не нашли.

Совсем. Ничего. Как сквозь землю провалилась. Или сквозь воду.

— Но она же… — я замялся, — она была без глаз.

— Она и при жизни была странная, — дядя Витя выдохнул дым, и дым на этот раз

развеялся нормально. — Не от мира сего. Ходила босиком до ноября, с птицами

разговаривала, могла смотреть в одну точку часами. Бабки говорили — «порченая». А

я думаю — просто слишком чистая была для этого мира. Вот мир её и не принял.

Он замолчал. Я сидел, сжимая в руке удочку (когда я успел её схватить — не помню), и

смотрел на воду. Там ничего не было. Просто чёрная, спокойная вода, в которой

отражался месяц (луна уже взошла, полная, круглая, как глаз). Но мне казалось, что из

глубины на меня смотрит кто-то ещё.

— Дядя Витя, — спросил я, — а крест? Что с ним делать?

— Возьми, — сказал он нехотя. — Но не носи на себе. Отнеси в церковь. Или попу

отдай. Пусть освятят. А лучше — брось обратно.

— Но если бросить, она опять…

— Она никуда не денется, паря. Она там живёт. Уже десять лет. И будет жить, пока

кто-нибудь не нырнёт за ней. Но нырять не надо. Ты понял? Не надо.

Я кивнул. Взял крест (он был ледяным, холоднее, чем должен быть металл, пролежавший в воде неизвестно сколько) и сунул в карман.

— Рыбачить будем? — спросил я, просто чтобы что-то сказать.

— Нет, — дядя Витя встал, отряхнул штаны. — Сегодня не будем. Сегодня она уже

взяла своё. А мы уходим. Быстро и молча. Не оглядывайся.

Мы пошли назад. Бублик бежал впереди, и я впервые видел, чтобы старый, больной, вечно сонный пёс бежал так быстро, не останавливаясь, не нюхая кусты.

Он просто

бежал, волоча поводок по земле, и иногда оглядывался на меня — мол, давай, хозяин, быстрее, она идёт за нами.

Я не оглядывался. Честное слово, я не оглядывался. Но услышал.

Шаги. За спиной. Лёгкие, босые, по мокрой траве. Шлёп-шлёп-шлёп.

— Дядя Витя, — прошептал я, не оборачиваясь.

— Молчи, — ответил он. — Иди. Не останавливайся.

Шаги стихли только когда мы вышли из ольшаника на открытое место, где был свет от

луны и не было теней. Я перевёл дух и всё-таки оглянулся. За спиной никого не было.

Но на траве — там, где мы прошли — остались следы. Не мои следы в кроссовках, не

дяди-Витины в его дурацких тапках. Маленькие, босые, мокрые. И они вели не за нами.

Они вели к воде.

Она не шла за нами. Она провожала.

Дома я выпил полчайника горячего чая, залез под одеяло и долго трясся. Бублик

забрался на кровать — что ему было строжайше запрещено — и я его не прогнал. Он

лежал у меня в ногах, тёплый, старый, живой, и тихо сопел. Я гладил его между ушей и

думал.

Думал о девочке, которая утонула десять лет назад. О том, почему она выбрала меня.

О том, что она хотела сказать или сделать. И о том, что будет, если я всё-таки сделаю

тот шаг.

Крест я не бросил обратно. И в церковь не понёс. Он лежит у меня в тумбочке, завёрнутый в чистый носовой платок. Иногда ночью я слышу, как он звенит. Сам по

себе. Тихонько так, дзынь-дзынь. Будто кто-то пальцем по нему стучит.

Может, она ищет его. Может, хочет назад. А может — наоборот, хочет, чтобы он ушёл.

Я не знаю.

Знаю только одно: больше я на старый мельничный омут не пойду. Ни в полнолуние, ни днём, ни никогда.

Но это я сейчас так говорю.

Послезавтра — новолуние. А в новолуние, говорят, омут спит. И рыба клюёт отчаянно, как голодная.

Я ещё подумаю.

Коля.

15 лет.

Где-то между страхом и любопытством.

P.S. Пока писал эту запись, ручка сломалась. Просто перестала писать. Я взял другую.

Та тоже сломалась через три предложения. Третья работает. Но у третьей колпачок

красный, а чернила почему-то бледно-розовые. Будто не чернила, а кровь, разбавленная водой.

Я всё равно буду писать. Обещал себе — дневник до конца.

Бублик сейчас спит и во сне бежит куда-то. Лапами дёргает. И скулит. По-щенячьи, тонко, жалобно.

Может, он её видит.

Может, она и ему снится.

Спокойной ночи, омут. Не зови меня больше. Пожалуйста.

Глава 3. Последний лещ деда Егора

18 мая. Утро. Туман над водой, как простыня. Тишина такая, что слышно, как трава

растёт.

Сегодня я плакал. В первый раз за много лет. Не из-за того, что ударился, и не из-за

того, что мама в больнице, и не из-за того, что папа не поздравил с днём рождения (он

забыл, ну и ладно). А из-за старика, которого знал всего три недели.

Но обо всём по порядку.

После истории на омуте я три дня не рыбачил. Сидел дома, перечитывал старые

журналы «Рыболов», кормил Бублика гречкой (он её почему-то обожает) и пытался

забыть девочку без глаз. Не забыл. Крест в тумбочке иногда по-прежнему звенел, но я

научился не обращать внимания.

На четвёртый день дверь скрипнула. Я думал — ветер. Но это был он. Старик с

палкой.

— Здорово, паря, — сказал он глухо, кашлянул и опёрся на косяк. — Ты Колька, рыбачок?

— Я, — ответил я, разглядывая незваного гостя.

Старик был старым. Не просто «пожилым», а по-настоящему древним. Лет девяносто, а может, и все сто. Лицо в морщинах, как печёное яблоко. Глаза белые — катаракта, или что похуже. Но смотрел он прямо на меня, хотя и не видел. В смысле, не видел

глазами, но как-то чувствовал. Палка — простая, из орешника, рука на ней ходит

ходуном. Одежда чистая, но старая: фуфайка с заплатками, брюки-галифе, кирзовые

сапоги, не по сезону.

— А ты откуда знаешь, что я рыбачу? — спросил я.

— Витя сказал. — Старик тяжело опустился на лавку у крыльца, и лавка жалобно

скрипнула. — Тот самый, дядя Витя, что пельмени топит. Сказал — есть, говорит, малец, на рыбалку гораздый. Не бздит, на омут ходит, червей не боится. Мне такой

нужен.

Бублик, который до этого спал в будке, вылез, понюхал старика и — странное дело —

не зарычал. А лизнул его в руку. Бублик никого не лижет. Даже меня, только если я

пахну колбасой.

— Пёс умный, — заметил старик. — Чует доброго человека. А я, паря, добрый. Только

старый и слепой. Рыбачить хочу. В последний раз.

— Почему в последний? — спросил я.

Старик помолчал. Почесал щетинистый подборо-док. Вздохнул так, что, кажется, из

него вышла половина души.

— А потому, что помирать скоро. — сказал он про-сто, как про погоду. — Врачи сказали

— неделя, может, две. А я с рекой хочу попрощать-ся. И леща последнего поймать.

Самого жирного. Самого красивого. Такого, как в молодости ловил, когда ещё видел.

Он замолчал. Я не знал, что сказать. Что говорят людям, которые собираются

умирать? «Не умирайте» — глупо. «Вы ещё поживё-те» — врать не хотелось. «Мне

жаль» — слишком мало.

— Дед Егор меня зовут, — добавил он, нарушая ти-шину. — Можно просто Егорыч.

Снасти у меня есть. Удочка, леска, крючки. Я тебя прошу — сведи меня на реку. Туда, где лещ водится. И помоги. Глазами своими. А я тебе за это расскажу кое-что. Такое, что ни в одной книге не написано.

Я согласился. Конечно, я согласился. Как можно отказать человеку, который пришёл

прощаться с рекой?

Мы пошли на следующий день. В пять утра. Туман стоял молочный, густой — метра на

два впереди ничего не видно. Дед Егор шёл медленно, опираясь на палку и на моё

плечо. Бублик бежал впереди, обнюхивал дорогу и иногда оглядывался — мол, всё

правильно, за мной идите.

Удивительно, но дед Егор ориентировался лучше, чем я. Он знал каждую кочку, каждую корягу, каждый поворот тропинки.

— Я здесь сорок лет рыбачил, — объяснил он, когда мы обходили очередную лужу. —

Пока глаза были. Я эту реку, паря, чувствую. Она как жена. Только лучше. Жена ушла, а река — всегда.

Мы вышли на затон — то самое место, куда я обычно ходил. Но дед Егор мотнул

головой:

— Нет. Лещ здесь мелкий. Не годится. Веди на Змеиную протоку.

— Туда же пешком не пройти, — возразил я. — Там берег крутой, тропа осыпается.

— Пройдём, — сказал он твёрдо. — Мне недолго осталось. Не бойся.

Змеиная протока — это место в двух километрах ниже по течению, где река

разливается, становится мелкой, илистой, и там, говорят, лещи размером с кошку. Но

тропа к ней — адская. То глина мокрая, то корни, то обрыв. Я вёл деда Егора за руку, как маленького, и боялся, что он упадёт и сломает что-нибудь. В его возрасте кости как

сухие ветки.

Но он не падал. Он шёл уверенно, иногда даже быстрее меня, и бормотал что-то под

нос. Не молитву, а что-то другое. Я прислушался.

— ...а брат мой, Митя, говорит: ты, Егор, дурак, вступаться не надо, убьют ведь. А я

говорю: пусть убивают. Так и не убили, дураки...

Он рассказывал сам себе. Или реке.

Наконец мы добрались. Я разложил свои две удочки, помог деду Егору распутать его

снасть. Удилище у него было старое, бамбуковое, склеенное в трёх местах, но леска

— хорошая, японская, видно, ещё с тех времён, ко-

гда японское было в диковинку.

Крючок — самодельный, кованый, чёрный.

— С таким и сома ловить можно, — заметил я.

— Можно, — кивнул дед Егор. — И ловил. Но сегодня — лещ. Червя давай.

Я насадил червя. Дед Егор взял удочку в дрожащие руки, закинул — и поплавок упал

точно в нужное место, в окно между кувшинками. Я бы так не смог, даже видя. А он —

слепой.

— Как вы это делаете? — спросил я.

— Руки помнят, — ответил он. — Тело помнит. А глаза — они не главное. Главное —

вот здесь. — Он постучал себя по груди, где сердце. — И здесь. — По лбу.

Мы сидели молча. Туман начал подниматься, от-

крывая реку — серебряную, спокойную, с розоватым отсветом на воде. Бублик свернулся калачиком у ног деда

Егора и засопел. Старик гладил его свободной рукой и улыбался.

Первый час не клевало. Второй — тоже. Я начал нервничать. Дед Егор — нисколько.

— Рыба не дура, — сказал он. — Она чувствует, когда её ждут с нетерпением. И когда

с уважением. Ты, паря, ловишь с азартом. А это разные вещи.

— А вы?

— А я — с любовью. Рыба — она как женщина. Хочешь её сильно — убегает.

Относишься спокойно, с теплом — сама приходит.

Я хотел пошутить про рыбу-женщину, но передумал. Дед Егор говорил это без тени

иронии.

Вдруг его поплавок дёрнулся. Не резко — плавно, по-лещовому, сначала чуть

притопился, потом лёг на бок, потом медленно пошёл в сторону.

— Есть, — выдохнул дед Егор. — Подсекай.

— Но это вы должны...

— Не вижу я, паря! — рявкнул он неожиданно громко, и Бублик подскочил. — Подсекай

ты, бога ради!

Я подсек. Леска натянулась, удилище согнулось, и я почувствовал ту самую тяжесть —

не щучью, не сомовью, а ровную, упругую, благородную. Лещ. Большой.

Я вываживал осторожно, боясь порвать леску. Дед Егор сидел рядом, сжав кулаки, и

шептал:

— Давай, давай, родимый... Не уходи... Я тебя двадцать лет ждал...

Когда лещ показался у поверхности, я ахнул. Это был не просто лещ. Это был монстр.

Кило на пять, тёмно-золотистый, с красноватыми плавниками, с глазами, похожими на

монетки. Старый, мудрый, красивый. Он бился, сверкая чешуёй на солнце.

— Большой? — спросил дед Егор голосом, полным надежды.

— Огромный, — сказал я. — Самый большой, какого я видел.

— Не ври.

— Честное слово.

Я вытащил леща на берег. Он был прекрасен. Я держал его в руках, чувствуя тепло

живой, трепещущей плоти, и вдруг понял, что не хочу его отдавать деду Егору. Не

потому что жадный — а потому что лещ смотрел на меня осмысленно. Так смотрят

только те, кто понимает, что сейчас умрёт.

— Дед Егор, — сказал я, — может, отпустим?

Старик замер. Его лицо, и без того морщинистое, собралось в комок.

— Зачем? — спросил он тихо.

— Он старый. Как вы. Он заслужил...

— Я тоже старый, — перебил меня дед Егор. — Меня никто не отпускает. Врачи

держат. Болезнь держит. Страх держит. А этого леща я хочу подержать в руках. Потом

— хоть жарь, хоть отпускай. Но сначала — подержать.

Я поднёс леща к нему. Дед Егор протянул дрожащие руки, нашёл рыбу наощупь — и

вдруг заплакал.

Не всхлипывая. Без звука. Слёзы текли из его белых, слепых глаз по щекам, падали на

леща, на мои руки.

— Спасибо, — прошептал он. — Здравствуй, брат.

— Кому — мне? — не понял я.

— Нет. Ему. Лещу. — Дед Егор погладил рыбу по голове, как кошку. И лещ — я клянусь

— перестал биться. Он замер. Он слушал.

— Ты знаешь, паря, — сказал дед Егор, не отпуская леща, — я ведь не всегда слепой

был. И не всегда старый. Когда-то я был молодым, как ты. И ловил здесь лещей с

братом. Митей.

Он замолчал. Я ждал. Лещ ждал. Даже река, кажется, замерла.

— Война была, — продолжил дед Егор. — Мне тогда двадцать два было. Митя —

девятнадцать. В сорок третьем нас разлучили. Меня — в пехоту, его — в разведку.

Письма писал. Регулярно. А потом — тишина. Полгода ничего. Я думал — убит.

Он почесал леща за жаброй. Лещ даже не дёрнулся.

— В сорок четвёртом, под Варшавой, мы наступали. Иду я по полю, а навстречу —

наши разведчики, с пленными немцами. И среди них — Митя. Живой. Худой, заросший, в чужой форме, но живой. Я к нему — а он на меня не смотрит.

Отворачивается. Офицер говорит: «Этот ваш брат? Он в плену был. Но мы

разберёмся». И увели его.

— В плену? — переспросил я. — А вы...

— А я всю жизнь потом доказывал, что Митя не предатель. Что он просто попал в

окружение. Что его пытали. Что он не сдал никого. — Дед Егор всхлипнул. — Никто не

поверил. Соседи шептались. Комсомол исключил. Документы подчистили. А Митя...

Митя через год после Победы повесился. В сарае. Оставил записку: «Егор, прости. И

помни меня не предателем, а братом».

У меня комок встал в горле.

— И что вы сделали?

— А что я мог? Похоронил. И больше никогда о нём не говорил. Даже жене. А потом, через двадцать лет, пошёл на это место ловить леща. И поймал щуку. Огромную, как

бревно. Вскрыл её, а в желудке — кольцо. Наше, фамильное. Серебряное, с

гравировкой «Е. и М. — навеки». Мать нам подарила перед войной.

— И вы поняли...

— Я понял, что Митя не ушёл. Он здесь. В этой воде. — Дед Егор погладил леща. — А

сегодня я поймал этого красавца. И знаешь, чем от него пахнет? Не рыбой. Свободой.

Он поцеловал леща в голову. И сказал:

— Отпусти.

Я хотел спросить — зачем столько мук, столько ожидания, столько слёз, чтобы потом

отпустить? Но не спросил. Потому что понял. Не умом — сердцем.

Дед Егор не рыбу ловил. Он прощался.

Я снял леща с крючка (аккуратно, не повредив губу), подошёл к воде, опустил на

ладонях. Лещ лежал не двигаясь. Я пошевелил пальцами — он не уплывал.

— Плыви, — сказал я тихо. — Ты свободен.

Лещ шевельнул хвостом, медленно перевернулся, блеснул золотом на солнце — и

исчез в глубине.

Дед Егор выдохнул. И вдруг стал маленьким, сморщенным, жалким. Вся его сила, все

его истории, вся жизнь — ушли вместе с лещом.

— Спасибо, паря, — сказал он. — Теперь веди меня домой. Я всё сделал.

Мы шли обратно молча. Дед Егор опирался на меня тяжелее, чем утром. Он почти не

шёл — тащился. Дышал с присвистом. Я хотел пред-

ложить отдохнуть, но он мотнул

головой: «Успеем». Бублик бежал сзади и поскуливал. Он тоже чувствовал.

Дома я усадил деда Егора на лавку, сходил за чаем, налил в кружку. Он выпил, поперхнулся, закашлялся.

— Ты завтра приходи, — сказал он. — У меня ещё история есть. Страшная. Про то, как

я мёртвого немца в реке нашёл. Но сегодня не могу. Устал.

— Приду, — пообещал я.

Я пришёл на следующий день. И послезавтра. И через день.

Никто не открыл.

Я постучал в дверь его дома — старой избушки на краю посёлка, с покосившейся

трубой. Тишина. Заглянул в окно — пусто. Кровать пустая, на столе стоит кружка с

недопитым чаем.

Я спросил у соседки, тёти Зои. Та перекрестилась.

— Егор-то? Умер. Вчера ночью. Сердце остановилось. Во сне. Говорят, улыбался.

— Когда? — спросил я хрипло.

— А ты когда его последний раз видел?

— Позавчера. Днём.

— Значит, в ту ночь, — кивнула тётя Зоя. — Так тихо ушёл. Даже скрипа не было.

Я пошёл на реку. Сел на мостки, где мы рыбачили с дедом Егором. Бублик положил

голову мне на колени. Я гладил его и смотрел на воду.

И вдруг на середине затона, там, где мы поймали и отпустили леща, вода взорвалась.

Огромный лещ — тот самый, золотой — выпрыгнул из воды, взметнув каскад брызг. Он

повис в воздухе на секунду, блестя на солнце, будто живое золото. Потом упал обратно

и исчез.

Никто из местных этому не поверил. Скажут — показалось, выдумал, придумал. Но

я-то знаю.

Это дед Егор попрощался.

Через леща.

Или через реку.

Или — через меня.

Я не знаю, как это работает. Но знаю, что бывает. Иногда люди уходят, но остаются в

том, что любили.

Я дописал эту запись на берегу, где мы сидели. Рука дрожала, когда я выводил буквы.

На прощание дед Егор сказал мне одну вещь. Я тогда не придал значения. А теперь

думаю — может, это самое главное.

Он сказал: «Паря, когда умру, не приходи на мою могилу. Приходи на реку. Я буду там.

Не в земле, а в воде. В каждом леще, в каждом окуне, в каждом всплеске. Только

слушай».

Знаете, я сейчас слушаю. И мне кажется — или вода и правда шепчет?

«Не плачь... Не плачь... Я здесь...»

Коля.

15 лет.

Посёлок Кривые Кочки.

P.S. Чай, который я налил деду Егору в тот день, остался стоять на столе в моём доме.

Я не выливаю его. Не знаю зачем. Может, потому что боюсь — если вылью, то и дед

Егор исчезнет совсем.

Бублик сегодня ночью проснулся и завыл. Негромко, надрывно. Я вышел на крыльцо.

Луна была полная, и на дорожке, ведущей к реке, стоял туман. А в тумане — тень. Не

чёткая, размытая. С палкой. Сгорбленная.

Я позвал: «Дед Егор?»

Тень махнула рукой. Не прощаясь — приветствуя. И растаяла.

Может, померещилось. А может, нет.

Завтра пойду на Змеиную протоку. Возьму его удочку. Буду ловить.

За двоих.

Глава 4. Караси-диверсанты

25 мая. Жара. +28 в тени. Вода — парное молоко. Комары злые, как собаки.

Знаете, что общего между карасём и философом? Оба любят тишину. И оба не любят, когда их дёргают.

Сегодня я убедился в этом на собственной шкуре. И на резиновой кукле в тельняшке.

И на огурце.

Но обо всём по порядку.

После смерти деда Егора я три дня не брал удочки. Ходил по посёлку, как тень, даже

Бублик от меня шарахался. Маме звонил — она говорила, что «всё будет хорошо», но

по голосу было слышно, что она сама в это не верит. Папа прислал пять тысяч на

карту и смайлик. Я смайлик не оценил.

В общем, надо было что-то делать. Иначе я бы превратился в такого же древнего

старика, как Егор, только без лещей и без мудрости.

И я решил: поеду на Заречный пруд.

Заречный пруд — это не река. Это бывший колхозный водозабор, километрах в трёх от

посёлка, за полями. Раньше там разводили карпов, но разорились, и теперь пруд стал

диким. Местные туда не ходят, потому что вода цветёт, карась мелкий, и вообще —

«там одна тина». Но я знал: карась там есть. И не просто карась, а золотой, пузатый, ленивый. Идеальная рыба для того, чтобы успокоить нервы.

Собрался я быстро. Взял одну удочку (поплавочку), банку червей (красных, карасю они

нравятся больше), термос с чаем, две булки (одну — Бублику), и даже надел панамку

— чтобы не сгореть. Панамка была мамина, розовая, с рюшечками, но выбирать не

приходилось.

Бублик, когда увидел, что я собираюсь куда-то без него, устроил концерт: скулил, царапал дверь, ложился на пороге и делал мёртвого. Я сдался. Взял пса. Это была

ошибка.

Дорога на пруд — это отдельный вид пытки. Сначала идёшь полем, потом через

лесополосу, потом через луг, который местные называют «Лягушачья радость»

(название говорит само за себя). Бублик, забыв про свои одиннадцать лет и больные

лапы, носился за стрекозами, пил из каждой лужи, а в одной из них вывалялся в

чём-то зелёном и вонючем. Теперь от него пахло, как от болота, которое взорвалось.

— Ты теперь не Бублик, — сказал я. — Ты Зелёный Шар.

Бублик обиделся и убежал вперёд, периодически оглядываясь и гавкая: «Ну чего ты

плетёшься, старик?»

На пруд мы вышли около десяти утра. И я сразу понял, что день будет странным.

Пруд был… красивым. Не таким, как рассказывали. Вода — изумрудная, густая, но

чистая. Вокруг — ивы, опустившие ветви в воду, как девушки, моющие волосы. На

середине — островок из кувшинок, жёлтых и белых. И тишина. Ни звука. Даже

кузнечики притихли.

— Бублик, — сказал я шёпотом, — мы нашли рай. Для карася.

Бублик чихнул. Согласился.

Я выбрал место — пологий берег, песчаный, с небольшим заходом в воду. Идеально.

Разложил коврик (старый половик), поставил ведро, насадил червя. Забросил удочку.

Поплавок — красненький, любимый — встал ровно, чуть накренившись набок, как и

полагается.

Пять минут — тишина. Десять — ни булька. Пятнадцать — поплавок дёрнулся, клюнуло! Я подсекаю, вываживаю, чувствую приятную тяжесть, и на берег вылетает…

маленький, граммов на пятьдесят, карасик. Золотистый, с красными плавниками, симпатичный.

— Ну, привет, — сказал я ему. — Ты чего такой мелкий?

Карасик посмотрел на меня выпуклым глазом и, видимо, обиделся, потому что начал

биться. Я снял его с крючка, опустил в ведро. Он плюхнулся и успокоился.

Дальше пошло лучше. Карась начал клевать как сумасшедший. Один, второй, третий.

Небольшие, граммов по сто-сто пятьдесят, но жирные, сбитые, с пузами как у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.